
Невеста из народа, которого ты уничтожил
Ливия Норвейн

Ливия Норвейн

Невеста из народа, которого ты уничтожил

«Автор»
2026

Норвейн Л.

Невеста из народа, которого ты уничтожил / Л. Норвейн — «Автор», 2026

Одиннадцать лет назад герцог Радан Вейр отдал приказ, после которого мой брат не вернулся домой. За победу корона пожаловала дракону земли моего народа.Теперь, когда реки Ольшанья начали пересыхать, завоевателям понадобилась наша древняя магия. А мне предложили стать женой человека, которого я ненавидела все эти годы.Я согласилась. Этот брак давал моему народу надежду вернуться на родину.В саду герцога я нашла старый орех, посаженный моими родителями. От нашего дома ничего не осталось. Я поклялась вернуть изгнанникам их земли и добиться справедливости за гибель брата.Но с каждым днем мне становилось труднее ненавидеть собственного мужа. Я привыкла к теплу его рук, к долгим разговорам у камина и к тому, как он произносил мое имя.Когда в моих руках наконец оказались доказательства его вины, я уже любила его.Одиннадцать лет я мечтала увидеть Радана перед судом. Теперь мне предстояло самой приблизить день, когда я могла его потерять.

© Норвейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Земля без хозяев 5
Глава 2. Девяносто дней 19
Глава 3. Чужой дом 31
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Ливия Норвейн
Невеста из народа, которого ты уничтожил

Глава 1. Земля без хозяев

До Сарвела оставалось меньше трех миль, когда баржа села на мель.

Лодочник выругался, бросил шест и перегнулся через борт. Двое его сыновей, до этого мирно дремавшие среди корзин с яблоками, принялись стаскивать тюки с носа судна. Пассажиров попросили перебраться на корму, но даже после этого баржа не сдвинулась с места.

— В прошлом году здесь по грудь воды было, — пожаловался лодочник. — А нынче в сапогах перейти можно. И ведь осень на дворе.

Я отложила дорожную сумку и подошла к борту. Возле песчаной отмели колыхалась водяная трава. Ее верхушки пожелтели раньше срока.

— Давно река обмелела?

— С весны понемногу убывала. В июле совсем худо стало. Выше по течению мельницы встали, теперь муку с юга возят. Сами увидите, сколько за хлеб в столице просят.

Он снова взялся за шест, предоставив мне возможность любоваться последствиями хозяйственной мудрости Совета великих домов.

Река, стекавшая с возвышенностей Ольшанья, обеспечивала столицу почти половиной питьевой воды. Вдоль ее берегов стояли мельницы, красильни, кожевенные мастерские. За одиннадцать лет новые хозяева успели построить три плотины, расширить добычу камня и вырубить столько прибрежного леса, сколько мой народ не вырубил бы за два столетия. Когда мы предупреждали о последствиях, нам отвечали, что управление провинциальным хозяйством следует доверить образованным людям. Теперь образованные люди прислали за мной королевскую карету, до которой еще предстояло добраться.

Я сняла плащ, подобрала юбку и спустилась за борт. Вода едва доходила до колен, но под ногами оказался вязкий ил.

— Госпожа, куда же вы? — встревожился лодочник.

— Попробую найти вам проход. Пусть мальчики пока не трогают груз.

Я опустила руку в воду, отыскала пальцами несколько живых стеблей и осторожно коснулась их корней. Течение ощущалось слабо. Водяная трава успела занять часть старого русла, а там, где растительность обрывалась, под илом обнаружилась узкая ложбина.

До войны подобные упражнения составляли обязательную часть обучения лесарских детей. Мать отправляла меня и Дарена на мелководье с корзинкой деревянных поплавков. Мы должны были угадывать направление течения, не глядя на поверхность воды. Брат постоянно жульничал, подсматривая из-под повязки, и потом с самым невинным видом уверял, что унаследовал редкий дар от нашего прадеда.

Я открыла глаза.

— Возьмите правее. Там глубже, только шест держите ближе к корме.

Лодочник посмотрел на меня с сомнением, однако спорить не стал. Через четверть часа баржа снова плыла к столице, а я сидела на своем прежнем месте, вытирая ноги краем старого полотенца.

— Лесарка, стало быть? — спросила пожилая женщина напротив.

— Да.

— Говорят, ваши воду из земли доставать умеют.

— Если под землей есть вода, а поблизости растет что-нибудь живое.

Женщина, по-видимому, ждала большего чуда и больше ничего не спрашивала.

К столичной пристани мы добрались уже после полудня. Над водой поднимались каменные склады, высокие стены торговых домов и башни королевской крепости. На крыше таможни красовался золотой дракон с расправленными крыльями. Его изображение встречалось повсюду, от государственных печатей до медных монет, которыми расплачивались за рыбу на рынке.

Я бывала в Сарвеле прежде, но с каждым приездом город казался мне все более чужим. До войны Ольшанье само распоряжалось своими реками и торговыми дорогами. Все началось с требования короны передать ей речные пошлины и разместить гарнизоны в наших поселениях. Совет хранителей отказался. Теперь даже право пройти по родной земле зависело от столичной печати. Здесь охотно покупали лесарские лекарства, дорого платили за наши вышивки и приглашали мастеров ухаживать за садами знатных домов. При этом человеку с лесарским именем приходилось собирать вдвое больше бумаг, чтобы открыть собственную мастерскую или приобрести землю.

У таможни меня ожидал молодой чиновник в синем камзоле. На дощечке в его руках вместо моей фамилии значилось «Талья».

— Госпожа Ирена Талья?

— Таль. Без последней буквы.

Чиновник смутился, перевернул дощечку и представился помощником секретаря Совета. Звали его Лораном. Пока слуга укладывал багаж, Лоран сообщил, что заседание назначено на завтра. До отъезда мне предоставляли комнату при королевской канцелярии.

— Остальные представители общин уже прибыли? — спросила я.

— Насколько мне известно, приглашение было направлено только вам.

Я перестала поправлять ремешок сумки.

— В письме говорилось о переговорах с представителями лесарского народа.

— Разумеется. Но госпожа Таль уполномочена представлять их интересы.

— В определенных пределах.

Лоран слегка растерялся.

— Возможно, господин Сольм объяснит вам подробности завтра.

До гостевого дома мы ехали долго. На одной из площадей возле общественного колодца собралась очередь. Воду выдавали под надзором городского стражника, причем каждому полагалось не больше двух ведер. Дальше, у ограды купеческого особняка, слуга поливал клумбу из серебряной лейки.

Я проводила его взглядом. Одиннадцать лет понадобилось Тарне, чтобы пригласить представителей моего народа на официальные переговоры. Причина обнаружилась еще по дороге от пристани: королевству захотелось пить.

В гостевом доме мне отвели просторную комнату. На кресле лежал халат с гербом канцелярии, а на столе стояли розы в полном кувшине воды. Я поблагодарила служанку и, дождавшись ее ухода, проверила дорожный сундук. Документы были на месте.

Два года я собирала их по всему королевству. Заверенные копии купчих, старые общинные списки, свидетельства о наследовании, планы поселений, записи о границах земельных участков. Некоторые бумаги удалось получить у семей, сохранивших их чудом. Другие пришлось выкупать у торговцев, которым досталось имущество беженцев.

Особенно берегла я тетрадь в потертой кожаной обложке. В ней отец собственноручно записывал расходы нашей семьи, отмечал урожаи и время ремонта водных каналов. Между страницами лежала старая схема восточной части долины. Я прекрасно помнила, как в детстве пыталась дорисовать на ней наш дом. Отец рассердился, но стирать рисунок не стал. Теперь от дома остался только кривой детский прямоугольник на пожелтевшей бумаге.

Я вынула отдельную папку, в которой хранилось решение последнего собрания переселенческих общин. Представлять наши интересы на предварительных переговорах доверили

мне. Любое окончательное соглашение о земле подлежало обсуждению и утверждению общим собранием. Я перечитала эти строки прежде, чем приняться за письмо Тавии.

«Добралась благополучно. Река в плохом состоянии, положение гораздо хуже, чем показывали прошлогодние отчеты. Завтра встречаюсь с Советом. Остальных представителей приглашать не стали, поэтому попрошу выделить время для вашего приезда. Пока ничего не подписываю».

Последние слова подчеркнула. Тавия настояла на этом условии еще перед моим отъездом. Она вообще была сторонницей многочисленных предосторожностей, особенно если дело касалось обещаний королевских чиновников.

Я запечатала письмо, отнесла его дежурному слуге и спустилась ужинать.

За соседним столом двое пожилых мужчин обсуждали стоимость муки. Один из них жаловался на лесных жителей Северной марки, которые якобы отказывались работать, хотя государство предлагало им достойную плату.

— Дикари, — заключил он, разламывая булочку. — Сами бедствуют и другим жить мешают.

Я доела суп, попросила еще хлеба и вернулась к себе. Наутро мне предстояло объяснить подобным людям, зачем следует считаться с правами дикарей. Выспаться перед этим было бы полезно.

* * *

Зал малого Совета располагался в старой части королевского дворца. Высокие окна выходили во внутренний сад, где росли кипарисы и аккуратно подстриженные кусты лавра. Вдоль стен тянулись шкафы с книгами и государственными реестрами. На длинном столе перед каждым креслом лежали бумага, карандаши и небольшие колокольчики для вызова секретарей. Мне отвели место ближе к двери.

Господин Эдрик Сольм, руководивший финансовым управлением короны, сидел напротив. Это был худощавый седовласый мужчина с тонкими пальцами и внимательным, немного усталым взглядом. Я ожидала увидеть человека надменного и громогласного, но Сольм говорил негромко и даже сам предложил мне воды.

Кроме него на заседании присутствовали королевский инженер, двое представителей земельной палаты и секретарь.

— Благодарю, что приняли наше приглашение, госпожа Таль, — начал Сольм. — Нам известно о вашей работе с переселенческими общинами. Полагаю, мы имеем возможность прийти к соглашению, выгодному для обеих сторон.

— Надеюсь.

— Прежде всего нас интересует состояние водных сооружений Северной марки.

Он подвинул ко мне увесистую папку.

— Королевские специалисты подготовили предварительное заключение. Хотелось бы услышать ваше профессиональное мнение.

Я раскрыла документы.

Первая карта изображала долину Ольшанья с такой изобретательной неточностью, что я некоторое время искала знакомые места. Старое русло реки было обозначено как заболоченная низина, на месте двух общинных рощ значились участки сельскохозяйственного назначения, а один из крупнейших корневых узлов отсутствовал вовсе.

— Кто составлял эту схему?

Королевский инженер поправил очки.

— Наши землемеры. Работы проводились три года назад.

— А прежние карты они использовали?

— Некоторые. К сожалению, значительная часть местной документации была утрачена во время беспорядков.

Я подняла голову.

— Войны.

— Простите?

— Документация была утрачена во время войны.

Инженер кашлянул и посмотрел на Сольма. Тот едва заметно кивнул, словно разрешая не вступать со мной в спор из-за несущественной мелочи.

Я продолжила изучать отчет. На следующих страницах обнаружились сведения о количестве выпавших осадков, глубине источников и снижении уровня воды в колодцах. Данные собирались добросовестно, однако происходящее специалисты объясняли продолжительной засухой.

— Господа, вы знаете, каким образом устроено водоснабжение Ольшанья?

— Насколько нам известно, прежние жители использовали естественные источники, дополняя их системой каналов.

Я достала отцовскую карту и разложила ее поверх отчета.

— Каналы составляли лишь видимую часть. Вот здесь, здесь и вдоль этого склона находились корневые узлы. Они помогали удерживать воду в почве и распределять ее между источниками. При необходимости мастера направляли избыток влаги в старые русла, чтобы избежать затопления поселений. Система работала круглый год.

Инженер придвинул стул.

— Вы утверждаете, что деревья управляли подземными водами?

— Вместе с каменными сооружениями, каналами и работой мастеров, направлявших рост живых корней. Оставьте мельницу без мельника на одиннадцать лет, и она тоже вряд ли порадует вас исправной работой.

— Но некоторые сооружения сохранились.

— Некоторые деревья тоже. Мне нужно обследовать их, чтобы определить степень повреждений.

Я сопоставила карты. На месте западного узла теперь располагался каменный карьер. Восточный оказался посреди новых пахотных земель.

— Здесь вы проводили строительные работы?

— Возводили плотину, — ответил инженер.

— Глубоко копали?

Он назвал приблизительную глубину. Я прикрыла глаза и мысленно представила расположение корней старых деревьев.

— Госпожа Таль?

— Судя по чертежу, вы могли нарушить связь узла с водоносными слоями.

— Мы укрепили русло реки.

— Укрепили. Только вода, возможно, теперь уходит туда, откуда ее невозможно направить в прежние каналы.

Сольм откинулся на спинку кресла.

— Следовательно, причиной нынешних затруднений вы считаете изменения, произведенные после присоединения провинции?

— Причину еще предстоит установить окончательно. Но да, большая часть сведений указывает именно на это.

Инженер принялся возражать. Он говорил о современных плотинах, расчете давления, количестве привлеченных рабочих. Я выслушала его, задала несколько вопросов и попросила показать проект водохранилища.

Через полчаса мы пришли к неприятному для него выводу: плотина, на строительство которой государство потратило немалые деньги, могла усугублять проблему.

Сольм отправил инженера за дополнительными бумагами и обратился ко мне:

— Сколько времени потребуется для восстановления?

— Пока не знаю.

— Месяц? Два?

— Некоторые деревья росли больше трехсот лет. Если они погибли, за два месяца я смогу разве что посадить новые.

— В столице уже введены ограничения на использование воды.

— Я заметила.

— Весной положение может стать критическим.

— Особенно если зима окажется малоснежной.

Он некоторое время постукивал карандашом по столу.

— Корона готова оплатить работу ваших мастеров. Мы можем предоставить им жилье, снабжение, необходимые материалы и охрану.

— На какой срок?

— Первоначально на год. Затем, в зависимости от результатов, продлить соглашение.

Я собрала карты.

— А после завершения работ?

— Специалисты смогут вернуться к своим семьям.

— Где будут жить их семьи?

Сольм поднял брови.

— Там, где живут сейчас.

Мне представилась комната, которую снимала моя ученица Аста вместе с матерью. Зимой там промерзала наружная стена, весной с потолка капала вода. Хозяин дома ежегодно повышал плату и не разрешал жильцам разбить даже маленький огород во дворе.

— Вы предлагаете нам восстановить землю, с которой нас изгнали, чтобы затем снова покинуть ее?

— Госпожа Таль, мы обсуждаем привлечение специалистов для решения конкретной хозяйственной задачи.

— Природная сеть нуждается в постоянном уходе. Необходимо восстановить школы, подготовить учеников, вернуть мастеров в их поселения. Им понадобятся дома, поля и возможность обеспечивать свои семьи.

— Вопросы переселения относятся к компетенции земельной палаты.

Один из представителей палаты поднял голову от своих записей.

— Мы готовы рассмотреть предоставление временных участков.

— Временных?

— На период выполнения работ.

Я открыла папку с общинными документами.

— В таком случае хочу обратить ваше внимание на права прежних владельцев.

Сольм посмотрел на лежавшие передо мной бумаги уже без прежнего радушия.

Я передала ему несколько свидетельств о наследовании и заверенную копию старой земельной грамоты.

— Эти документы подтверждают принадлежность земель лесарским общинам. Большая часть владельцев, указанных в реестрах, погибла или была вынуждена покинуть Ольшанье. Многие наследники живы. Они хотят вернуться.

— После установления власти короны земельные права были пересмотрены.

— Без участия владельцев.

— Согласно чрезвычайным постановлениям военного времени.

— Война закончилась одиннадцать лет назад.

Сольм аккуратно сложил переданные ему листы.

— Я понимаю, что у вас имеются основания для недовольства. Но пересмотр всех решений, принятых после присоединения Северной марки, создаст чрезвычайно сложное положение. На этих землях уже живут другие люди.

— Мы готовы обсуждать их права.

— Кроме того, существуют интересы нынешних землевладельцев.

— Их мы тоже готовы обсуждать.

— И вы предлагаете заниматься этим одновременно с восстановлением водных сооружений?

— Да.

Представитель земельной палаты покачал головой. Второй попросил разрешения выйти. Секретарь продолжал записывать разговор, хотя его карандаш двигался все медленнее.

Мне было знакомо подобное течение переговоров. Стоило упомянуть права лесаров, как присутствующие начинали вспоминать о других обязанностях, неотложных делах и необходимости более подробного изучения вопроса. На этот раз уйти от разговора им мешала обмелевшая река.

— Мы рассмотрим ваше предложение, — наконец произнес Сольм. — Однако полагаю, что к обсуждению условий следует привлечь человека, непосредственно управляющего большей частью земель, о которых идет речь.

Он позвонил в колокольчик. Секретарь вышел, оставив дверь приоткрытой.

Я собиралась спросить, кого именно собираются пригласить, когда в коридоре послышались тяжелые шаги. Представитель земельной палаты поднялся со своего места. Следом встал Сольм.

В зал вошел мужчина в темном камзоле с медными застежками. На нем не было парадных украшений, только широкий пояс с гербовой пряжкой и перстень на правой руке. Высокий, широкоплечий, с коротко остриженными черными волосами, тронутыми сединой на висках, он выглядел немного старше, чем на портретах, которые некогда развешивали в занятых городах Ольшанья.

Я узнала его прежде, чем Сольм успел произнести имя.

— Его светлость герцог Радан Вейр, управляющий Северной маркой.

Мои пальцы стиснули край отцовской карты. Столько лет я представляла себе эту встречу. Иногда в бессонные ночи мысленно произносила слова, которые хотела бы сказать человеку, командовавшему северной армией. Придумывала вопросы, обвинения, представляла выражение его лица, когда ему пришлось бы выслушать сестру одного из погибших. В действительности у меня не нашлось ни одного подходящего слова.

Герцог остановился возле свободного кресла.

— Госпожа Таль.

У него был низкий, спокойный голос.

— Ваша светлость.

Я осталась сидеть. Сольм заметил это, но не сделал замечания.

Радан сел, положив на стол несколько папок. Его взгляд задержался на моей карте.

— Вы привезли старую схему долины?

— Одну из сохранившихся.

— Можно взглянуть?

Я убрала руку с бумаги.

Он придвинул карту и несколько минут внимательно ее рассматривал. При этом не задавал вопросов, пока не дошел до небольшого изображения переправы возле Вереска. На том

месте отец когда-то нарисовал три короткие черты, обозначив каменные опоры моста. Радан перевел взгляд дальше.

— Господин Сольм сообщил, что вы готовы провести обследование водных сооружений.

— При определенных условиях.

— Каких именно?

— Лесарские семьи должны получить возможность вернуться в Ольшанье. Мастера не станут восстанавливать систему, которую через год им предложат оставить на попечение новых хозяев.

— Сколько семей?

Вопрос застал меня врасплох. Обычно на этом этапе собеседники принимались рассуждать о невозможности возвращения как такового.

— В моих списках почти четыреста. Но это только те, с кем удалось связаться. Не все захотят переселяться сразу.

— Есть сведения о количестве людей в каждой семье?

— Есть.

— О профессиях?

— Частично.

Он кивнул.

— Тогда можно рассчитать первоначальную потребность в жилье и земле.

Сольм наклонился вперед.

— Ваша светлость, мы еще не достигли соглашения по вопросу возвращения переселенцев.

— Я услышал.

Радан снова обратился ко мне:

— Вы бывали в долине в последние годы?

— Нет.

— Некоторые поселения сильно изменились. Там, где вы рассчитываете разместить людей, могут находиться действующие хозяйства.

— Мне известно, что землю раздавали после войны.

— Хорошо. Значит, вы понимаете, почему нам понадобятся сведения о семьях.

Меня задела обыденность его тона. Он говорил о земле моего народа так, как управляющий разговаривал бы с подрядчиком, которому поручено расселить рабочих.

— Моя семья жила в Вереске, ваша светлость.

Он перестал листать бумаги.

— Понимаю.

— Вряд ли.

Секретарь поднял глаза.

Янтарно-карие глаза драконов всегда казались мне необычными, особенно у тех, кто долго находился в человеческом облике. При определенном освещении в них проступал узкий темный ободок вокруг зрачка. У Радана этот ободок был почти незаметен.

— Возможно, — ответил он после небольшой паузы.

Я ждала привычных оправданий: военная необходимость, долг перед короной, тяжелые обстоятельства. Подобные оправдания я слышала от людей, которым даже не приходилось участвовать в войне. Но Радан вернулся к документам. Я вынуждена была сделать то же самое.

— Госпожа Таль, — сказал Сольм, — давайте попробуем отделить наши нынешние задачи от событий прошлого. Сейчас нам необходимо понять, на каких условиях ваши мастера смогут начать работу.

— Я уже изложила условия.

— И мы объяснили, почему не можем удовлетворить их в полном объеме.

— Тогда обратитесь к другим специалистам.

Я начала складывать бумаги. Сольм нахмурился.

— Вы готовы отказаться от участия в восстановлении родной земли?

— Родной земли, доступ на которую многие из нас до сих пор получают по специальному разрешению. Я бы хотела это изменить.

— Даже если положение с водой продолжит ухудшаться?

Я застегнула папку.

— Именно поэтому вы пригласили меня, господин Сольм. Если бы справились без нас, я бы сегодня занималась с учениками.

Он обернулся к Радану, очевидно ожидая поддержки. Герцог достал из принесенной папки большой лист.

— Прежде чем заканчивать разговор, госпожа Таль, посмотрите на это.

Передо мной лежала карта нынешних владений. Разноцветными линиями были обозначены границы участков, дороги, поселения и хозяйственные сооружения. В углу стояла свежая печать земельной палаты. Меня прежде всего заинтересовали красные отметки.

— Что это?

— Земли, включенные в программу дополнительного заселения.

Я придвинула карту. Красные участки тянулись вдоль восточного берега реки. Один из них захватывал территорию старого Вереска, другой располагался на месте лесной школы, третий включал часть большой общинной рощи.

— Здесь нельзя строить дома.

— Почему?

— Если восточный корневой узел сохранился хотя бы частично, нам потребуется доступ ко всей этой территории. Вы опять повредите корни, когда начнете закладывать фундаменты.

— Строительство пока не началось.

— Когда начнется?

— После утверждения новых договоров.

Дата возле печати заставила меня пересчитать дни.

— Через девять дней?

— В этот срок земельная палата должна получить окончательные сведения.

— Кто нынешний владелец?

— Я.

Он произнес это без заминки. Я снова посмотрела на карту, на красные линии, пересекавшие знакомые места. Отец сорок лет обрабатывал землю в Вереске. Мать выращивала там лекарственные растения. Брат собирался построить мастерскую возле переправы, хотя соседские мальчишки уверяли его, что заниматься деревом в таком сыром месте может только безумец. Все это теперь принадлежало человеку, сидевшему передо мной.

— Откуда у вас эти владения?

Сольм вмешался:

— Они были пожалованы герцогу короной за заслуги перед державой.

— Я спрашивала его светлость.

Радан положил ладонь на край карты.

— После окончания войны земли передали моему дому.

— За победу над нами?

— Да.

За окнами зала ветер качнул ветви кипарисов. Где-то во внутреннем дворе громко рассмеялась женщина.

Я смотрела на мужчину, которому досталось место моего детства вместе с титулом и благодарностью короны, и чувствовала, как трудно становится сидеть спокойно.

— Дарен Таль, — произнесла я.

Радан нахмурился.

— Простите?

— Так звали моего брата. Он погиб в Вереске во время вашей кампании.

Сольм тяжело вздохнул.

— Госпожа Таль, я вынужден напомнить...

— Не надо, — перебил его Радан и повернулся ко мне. — Я помню Вереск.

Мне стоило больших усилий не спросить, что именно он помнил. За одиннадцать лет я выслушала множество свидетельств о гибели брата, причем люди рассказывали о том дне поразному. Некоторые видели Дарена возле переправы. Другие утверждали, что он успел вернуться в поселение за оставшимися там стариками. Тела мы так и не нашли. Мать до самой смерти хранила его зимний плащ, хотя прекрасно знала, что сын не придет за ним.

— Тогда вы понимаете, почему я хочу получить эти земли обратно.

— Понимаю, почему вы этого хотите.

— И что намерены делать?

— До утверждения новых договоров необходимо определить, какие участки потребуются для восстановительных работ. Я могу передать в палату соответствующее заключение.

— И временно приостановить заселение?

— Если палата сочтет заключение достаточным.

— А если нет?

Ответил Сольм:

— Земельная программа утверждена короной. Для изменения ее условий нужны веские основания.

Я невольно рассмеялась.

— Исчезающая из ваших колодцев вода недостаточно веское основание?

— Дело гораздо сложнее, чем вам представляется. По некоторым участкам уже внесены задатки. Будущие владельцы готовятся к переезду. Государство приняло на себя обязательства.

— Перед нами оно тоже когда-то принимало обязательства.

— Госпожа Таль, — Сольм отложил карандаш, — подобным образом мы ни к чему не придем.

Радан рассматривал старую и новую карты, лежавшие рядом.

— Можно организовать обследование до истечения срока подачи документов?

Я покачала головой.

— Мне понадобится несколько мастеров. Даже если вы доставите нас в долину завтра, за оставшиеся дни мы не сможем обследовать всю восточную часть.

— Начать с наиболее важных участков?

— В том и состоит трудность, что я пока не знаю, какие узлы остались живыми.

Он принял мой ответ без возражений.

Сольм встал, прошелся вдоль окон и остановился возле одного из шкафов. Его взгляд сделался задумчивым.

— Существует еще одна возможность, — произнес он. — Хотя до сегодняшнего дня я не считал целесообразным обсуждать ее с вами обоими.

Радан поднял голову.

— Какая?

— Мы могли бы рассмотреть более прочную форму сотрудничества между вашим домом и представителями лесарских общин.

— Уточните.

Сольм вернулся к столу.

— Корона заинтересована в том, чтобы положить конец многолетним разногласиям в Северной марке. Если госпожа Таль получит официальное положение при вашем доме, значительная часть нынешних трудностей может быть устранена.

— Должность управляющей восстановительными работами я готова обсуждать, — сказала я.

— Речь идет о другом положении.

Его пальцы легли на спинку кресла.

— О брачном союзе.

Я решила, что ослышалась. Посмотрела на Сольма, затем на Радана. Судя по выражению лица герцога, содержание предложения ему было известно. Однако до этого момента он не проронил о нем ни слова.

— Вы предлагаете мне выйти замуж?

— Именно.

— За него?

Сольм едва заметно поморщился.

— Его светлость принадлежит к одному из старейших домов Тарны. Подобный союз станет убедительным свидетельством того, что между прежними и нынешними жителями провинции возможно примирение.

— Убедительным для кого?

— Для обеих сторон.

— Мой народ не поручал мне выбирать супруга от его имени.

— Разумеется, речь идет о вашем личном согласии.

Я посмотрела на Радана.

— Вы были осведомлены об этом предложении?

— Да.

— И согласились?

— Согласился выслушать условия, если вы проявите интерес.

— Как великодушно.

Он выдержал мой взгляд. Сольм поспешил продолжить:

— Вам не придется отказываться от своей деятельности. Напротив, положение герцогини предоставит вам возможности, которых сейчас у вас нет. Вы получите доступ к хозяйству, необходимые средства, сможете участвовать в решении вопросов переселения.

— А корона получит удобную лесарскую жену своего полководца.

— Вы намеренно истолковываете предложение в неблагоприятном свете.

— Каким образом мне следует его истолковать?

Я поднялась со стула.

— Одиннадцать лет назад вы забрали наши дома. Теперь вам понадобились наши знания, и в качестве решения вы предлагаете мне лечь в постель с человеком, которому отдали землю моей семьи?

Лицо Сольма изменилось.

— Госпожа Таль, прошу вас соблюдать приличия.

— Давайте. — Я забрала отцовскую карту. — Начнем с того, что вы больше никогда не будете предлагать мне подобного.

Радан тоже поднялся.

— Господин Сольм, полагаю, ответ получен.

— Ваша светлость, было бы разумно...

— Она отказалась.

Мне совершенно не хотелось испытывать благодарность к герцогу за то, что он избавил меня от необходимости повторять отказ. Я застегнула сумку, перекинула ремень через плечо и направилась к выходу.

У двери меня остановил голос Сольма:

— Сведения о земельной программе являются служебными. Надеюсь, вы не станете распространять их среди своих общин до принятия окончательного решения.

Я обернулась.

— Вы приглашали меня в качестве представителя этих общин. Я обязана сообщить им о том, что касается их будущего.

На этом заседание для меня закончилось. В коридоре ждал Лоран. Он вскочил со скамьи, спросил, нужно ли проводить меня к экипажу, и, увидев мое лицо, больше ни о чем спрашивать не стал.

* * *

Мне требовалось пройтись. Я отпустила экипаж и отправилась к набережной пешком. Сумка с документами оттягивала плечо, в животе неприятно ныло от голода. За целое утро я успела выпить только чашку чая.

Возле дворцовых ворот продавали горячие пирожки с капустой. Я купила два и съела один прямо на улице, обжигая пальцы и губы.

Будущая герцогиня Северной марки. Тавия, пожалуй, рассмеялась бы, услышав это, если бы сначала не решила, что я окончательно лишилась рассудка.

Предложение Сольма унижало меня сильнее, чем я была готова признать. До сих пор я встречалась с государственными чиновниками как специалист, представитель общин, человек, потративший годы на изучение земельного права. Они могли не соглашаться со мной, задерживать ответы на прошения, отказывать в содействии. Однако мои знания заставляли их выслушивать меня. Сегодня выяснилось, что господин Сольм считал более простым решением выдать меня замуж.

Я остановилась возле парапета. Внизу, у каменных ступеней, несколько женщин стирали белье в обмелевшей реке. Чуть дальше мальчишка сидел на корточках и пытался поймать рыбу деревянной кружкой.

До утверждения договоров оставалось девять дней. Если документы уже подготовлены, после передачи участков нам придется вести переговоры с десятками новых владельцев. Каждый сможет потребовать компенсацию, предложить свои условия или вовсе отказать лесарским мастерам в доступе к земле. Годы работы могут оказаться потраченными впустую.

Сольм прекрасно понимал это. Наверняка рассчитывал, что вечером, оставшись одна, я начну взвешивать последствия отказа. Ненавидеть его за подобный расчет было легко. Гораздо труднее оказалось признать, что он не ошибся.

В гостевом доме меня ждала записка Лорана: Сольм готов был назначить повторное заседание после получения предварительного заключения о водных сооружениях. О земле и браке секретарь больше не упоминал.

Я попросила служанку принести ужин в комнату, вынула документы и принялась писать отчет.

Работа заняла почти два часа. Я перечислила известные мне повреждения, указала, какие сведения необходимо собрать на месте, и приложила предварительный список мастеров, способных участвовать в обследовании. В заключительной части отдельно обозначила необходимость приостановить дальнейшее освоение территорий, на которых могли находиться уцелевшие корневые узлы.

Когда закончила, на улице уже стемнело. Перечитав написанное, я поймала себя на том, что совершенно не верила в полезность последнего требования. Земельная палата могла принять его к сведению, запросить дополнительные заключения или отправить на рассмотрение в другую канцелярию. За девять дней чиновники едва ли успели бы обменяться приветственными письмами.

Мне требовался способ остановить передачу земель раньше.

Я достала сборник действующих земельных постановлений. Потертая книга сопровождала меня почти три года. Я знала, какие ее разделы следовало показывать сборщикам податей, какие помогали оспаривать незаконное выселение и какие государственные служащие особенно не любили читать вслух. Военные пожалования занимали отдельную главу.

Согласно действующим правилам, земли, переданные за военные заслуги, оставались обремененными обязательствами перед короной. Их владельцы должны были поддерживать дороги, обеспечивать содержание гарнизонов и участвовать в государственных программах освоения провинций. В определенных обстоятельствах корона могла требовать передачи незанятых участков другим лицам. Именно такое положение сложилось с владениями Радана.

Я открыла раздел о временном ограничении земельных сделок. Залог, наследственный спор, нарушение границ, невыполненные обязательства перед третьими лицами — в большинстве случаев требовалось постановление суда либо распоряжение самой земельной палаты. Ни один из этих вариантов не подходил. Я отодвинула книгу, потерла уставшие глаза и налила себе воды.

Оставалась возможность добиться содействия Радана. Если бы герцог отказался подписывать новые договоры, земельная палата столкнулась бы с дополнительными трудностями. Однако его отказ сам по себе не отменял обязательств, принятых при получении владений. Понадобилось бы разбирательство с короной, на которое он едва ли согласился бы ради женщины, утром напомнившей ему о гибели своего брата.

Я вернулась к сборнику. Уже собиралась закрыть его, когда заметила ссылку на отдельную хартию, регулирующую имущество старых домов. В моей книге самой хартии не было.

Я спустилась вниз и попросила дежурного служителя узнать, имеется ли при гостевом доме юридическая библиотека. Тот сообщил, что гости канцелярии могут пользоваться небольшой читальной комнатой на первом этаже.

Там пахло воском, пылью и старой бумагой. За столом сидел пожилой хранитель, недовольный моим появлением в столь поздний час.

— Земельная хартия Северной марки? — переспросил он. — Какого года?

— Действующая редакция.

— Там несколько дополнений.

— Буду благодарна, если принесете все.

Он посмотрел на меня поверх очков, но все-таки поднялся.

Через некоторое время передо мной лежали три тонкие книги и папка с разрозненными постановлениями. Я принялась читать, время от времени делая записи на обороте черновика отчета.

Большая часть документов касалась наследования титулов и хозяйственных обязательств знати. Некоторые положения настолько откровенно защищали привилегии великих домов, что у меня возникло желание записать их отдельно и при случае зачитать людям, уверявшим переселенцев в равенстве перед законом.

За несколько страниц до конца одного из дополнений я нашла раздел о семейном управлении владениями. Прочитала первый абзац, затем второй и попросила хранителя принести еще свечу.

— Вы скоро закончите, госпожа? — проворчал он.

— Надеюсь.

Я перечитала заинтересовавший меня отрывок и перешла к примечаниям.

Земли, внесенные в зарегистрированный договор совместного семейного управления, нельзя было отчуждать без согласия обоих супругов. Даже если один из них принимал соответствующие обязательства до заключения брака, исполнение некоторых имущественных распоряжений приостанавливалось до пересмотра договора.

Положение появилось около двухсот лет назад, когда один из князей едва не лишил семью большей части владений, пытаясь расплатиться с кредиторами. С тех пор великие дома получили возможность ограждать имущество от необдуманных решений отдельных членов семьи.

Разумеется, сам по себе брак подобных полномочий не давал. Требовалось специально зарегистрированное соглашение с точным указанием земель и прав каждого супруга. Я взяла чистый лист бумаги.

Если Радан согласится внести спорные участки в договор совместного управления до утверждения новых сделок, земельной палате придется приостановить их передачу. Полученные ранее задатки не давали покупателям права собственности. Государственная программа сохраняла силу, но осуществить ее без дополнительного разбирательства уже не удастся. В лучшем случае мы выиграем несколько месяцев, в худшем — несколько недель. Этого могло хватить для обследования корневых узлов и подачи полноценного требования о пересмотре земельных решений.

Я долго смотрела на раскрытую хартию. Искала другие способы использовать закон, перечитала разделы о хозяйственных товариществах, доверительном управлении, опеке и наследственных соглашениях. Все они предоставляли значительно меньше возможностей. Старая аристократия умела заботиться о себе и собственных семьях. Остальным приходилось проявлять изобретательность.

— Госпожа, — напомнил хранитель, — мне необходимо закрыть библиотеку.

Я переписала нужные положения, поблагодарила его и вернулась к себе.

Ужин остыл. Я съела несколько ложек каши, почти не чувствуя вкуса, и придвинула к себе листы с записями.

Мысль о браке с Раданом вызывала у меня физическое отвращение. Я не могла представить, как стану жить под одной крышей с человеком, чье имя мать произносила с ненавистью. Как буду принимать гостей в его доме, отвечать на обращение «ваша светлость» и носить украшения, купленные на доходы от захваченной земли.

Возможно, он рассчитывал получить обычную жену, достаточно благодарную за высокое положение, чтобы не вмешиваться в его дела. В таком случае разговор закончится быстро. Я взяла перо и начала составлять список условий.

Свое имя, заработок, отдельное жилье, свобода передвижения, доступ к земельным документам. Отсутствие обязанностей, связанных с супружеской близостью. Последнее я сформулировала особенно тщательно.

Дальше шли вопросы, ради которых вообще имело смысл обсуждать предложенный союз: совместное управление спорными владениями, право препятствовать их отчуждению, допуск лесарских мастеров, восстановление поселений и обязательное участие представителей общин в дальнейших переговорах.

Мне не требовалось становиться хозяйкой чужого состояния. Я хотела получить возможность защитить то, что никогда не должно было принадлежать Вейрам.

Отдельно следовало обговорить расторжение брака. Я не могла позволить, чтобы судьба сотен семей зависела от того, насколько долго двое людей окажутся способны терпеть друг друга.

На последнем листе я написала вопросы для Тавии. Представила ее реакцию и невольно поморщилась. Ей не понравится ни один из моих доводов. Мне самой они нравились еще меньше.

Я поднялась из-за стола и подошла к окну. В соседнем здании гасили свет. Над крышами домов виднелись королевские башни, а за ними темнело ночное небо.

Отец когда-то говорил, что землю следует обрабатывать с расчетом на тех, кто будет жить после тебя. Он сажал деревья, плодов которых ему не суждено было попробовать, укреплял берег в том месте, где редко бывал сам, и помогал соседям рыть каналы, даже когда у нас не хватало рабочих рук. Я была слишком молода, чтобы понимать, зачем человек добровольно берет на себя столько лишних забот.

Наши дети росли в чужих городах. Они знали Ольшанье по рассказам стариков, песням и нарисованным от руки картам. Некоторые никогда не видели деревьев, возле которых их предки строили дома и хоронили близких. Еще через двадцать лет людей, помнивших прежнюю жизнь, станет гораздо меньше. Убедить остальных возвращаться туда, где их ничего не связывает с прошлым, окажется труднее.

Я не могла обещать им возвращение. Не могла обещать даже того, что Радан согласится обсуждать мои условия. Но имела возможность попробовать.

Вернувшись к столу, я сложила исписанные листы и достала бумагу для короткого послания.

«Вашей светлости герцогу Радану Вейру.

В связи с обстоятельствами, выяснившимися на сегодняшнем заседании Совета, прошу предоставить мне возможность обсудить с вами некоторые положения земельной хартии Северной марки.

Предпочла бы провести предварительный разговор без участия господина Сольма.

Ирена Таль».

Я запечатала письмо и положила его рядом с дверью, чтобы утром передать посыльному.

К тому времени до утверждения новых земельных договоров останется восемь дней. Мне предстояло выяснить, готов ли дракон, получивший Ольшанье в награду за победу, предоставить мне право распоряжаться хотя бы частью того, что он у нас отнял.

Глава 2. Девяносто дней

Ответ герцога доставили вместе с завтраком. Посыльный, едва достигший возраста, в котором мальчикам позволялось носить оружие, долго искал на моем столе свободное место для письма, пока я не догадалась протянуть руку. На буром воске отпечатался герб Вейров: дракон, обвивший каменную башню.

Герцог приглашал меня к себе на полдень. Ни о причинах внезапной перемены моего решения, ни о содержании предстоящего разговора он не спрашивал.

Отправив ответ и отчет в канцелярию, я пересчитала деньги. Их хватало на обратную дорогу, несколько недель жизни и жалованье двум ученикам, но содержать целую артель на свои средства я не могла. Если мы не договоримся, придется искать поддержку у общин и купцов.

Перед выходом я спрятала деньги во внутренний карман дорожной сумки. От этой простой предосторожности стало немного спокойнее: я могла в любую минуту купить билет на баржу и уехать из Сарвела.

Столичный дом Вейров находился в конце широкой улицы, застроенной особняками старой знати. На каменных ступенях сидели две охотничьи собаки. Дворецкий отослал их во двор, принял мой плащ и проводил в комнату с низкими книжными шкафами и большим письменным столом. Здесь, в отличие от королевской канцелярии, топили печь, несмотря на достаточно теплую погоду. Возле нее сушились чьи-то сапоги.

Радан стоял у окна, читая письмо. При моем появлении он свернул лист и убрал его в ящик стола.

— Вам удалось выспаться, госпожа Таль?

— Достаточно, чтобы не пожалеть о вчерашнем отказе.

— Я не собирался упрекать вас за него. Садитесь.

На столе стояли чайник, две чашки и тарелка с ореховым печеньем. Герцог дождался, пока слуга разольет чай, и попросил оставить нас одних. Я выбрала кресло, из которого хорошо видела дверь, достала бумаги и положила их на колени.

— Прежде чем мы начнем, ваша светлость, мне хотелось бы узнать, зачем вам этот брак.

— Я рассчитывал, что вы пришли сообщить о собственных намерениях.

— Сообщу, когда пойму ваши.

Радан положил в чай кусочек сахара. Вчера, в присутствии Сольма, мне было трудно смотреть на него. Теперь за выражением моего лица хотя бы не наблюдал весь Совет.

— Если господин Сольм сумеет договориться с вами обычным способом, — сказал Радан, — я с удовольствием обойдусь без женитьбы. Пока у него получается плохо.

— Плохо у него получается договариваться с людьми, которым есть что терять.

— Согласен. Мне необходимо сохранить хозяйство долины. В этом году урожай зерна оказался почти вдвое меньше обычного, а следующей весной мы рискуем остаться без семян. Если ничего не предпринять, многие семьи уедут. Часть уже уехала. Я не могу допустить, чтобы земли, на которых живут люди, пришли в запустение.

— Даже если прежде они принадлежали другим людям?

— Даже в этом случае. Нынешние жители тоже должны есть.

Я могла возразить ему, что одиннадцать лет назад о наших нуждах никто не заботился, но тогда пришлось бы снова обсуждать судьбы нынешних земледельцев. Такой разговор мало отличался бы от вчерашнего заседания. Я придвинула к нему выписки из хартии.

— В этом я с вами не спорю. Вот что мне удалось найти.

Радан читал неторопливо. Дойдя до последней страницы, он потянулся за карандашом и отметил несколько строк.

— Вы хотите, чтобы я внес земли в семейное управление?

— Только спорные участки. Те, которые могут понадобиться для восстановления природных узлов, и те, по которым имеются заявления прежних владельцев. Перечень следует составить до регистрации договора.

— Сколько у вас таких заявлений?

Я назвала приблизительное число. Он отложил карандаш.

— Вы понимаете, что некоторые из этих людей могут предъявлять требования на один и тот же участок? Двое наследников, например, живут в разных концах державы и не знают друг о друге.

— Поэтому я не собираюсь распределять землю самостоятельно. Мне необходимо остановить ее передачу до рассмотрения заявлений.

— А как вы предлагаете вести хозяйство в это время? На ваших спорных участках стоят амбары, мельницы, лесопилки. Осенью придется покупать продовольствие. Для этого нужны деньги, и немалые.

— Я не прошу права проверять каждую покупку сена.

— Но получите возможность препятствовать сделкам. Допустим, управляющая захочет заменить сломанную мельницу. На новую не хватит средств. Мы договоримся с купцом, что он поставит оборудование под залог части хозяйства. Вы сможете отказать.

— Если залогом послужит земля, на которую претендуют прежние владельцы, откажу.

— А муку жители будут покупать у кого?

Я раскрыла принесенную тетрадь. На обороте одного из листов у меня был записан список лесарских мельников, живущих теперь за пределами долины.

— Для начала выясним, обязательно ли покупать новое оборудование. Возможно, старое можно починить. У нас есть хорошие мастера.

— А если нельзя?

— Тогда обсудим другой залог. У вашего дома имеются владения за пределами Ольшанья?

— Имеются.

— Вот и прекрасно.

Радан поднял на меня глаза. При дневном свете я заметила тонкую белесую полоску на его подбородке, которой не разглядела вчера. Видимо, когда-то ему рассекли кожу острым лезвием. Шрам не портил лица, хотя мне было неприятно даже невольно замечать подобные подробности.

— Вы уже распорядились моим имуществом в двух провинциях, госпожа Таль. А мы ведь даже не помолвлены.

— Если вам нужно более выгодное предложение, поищите другую невесту.

— Другая невеста вряд ли сумеет восстановить водные сооружения.

— Тогда вам придется довольствоваться моими недостатками.

Он взял чашку. На этот раз я почти уверилась, что в уголках его рта появилась улыбка, но мужчина заговорил прежде, чем я успела рассмотреть ее как следует.

— Хорошо. Обычные хозяйственные расходы останутся в ведении моей управляющей. Для сделок с недвижимостью из согласованного перечня понадобится ваше разрешение. Если возникнет спор о том, необходима ли сделка для содержания хозяйства, его рассмотрит независимый поверенный. Нам следует выбрать человека, которому мы оба сможем доверять.

— И который не служит ни вашему дому, ни господину Сольму.

— Знаете такого?

— Попытаюсь найти.

Мы перешли к остальным полномочиям. Радан отверг мое первоначальное требование предоставить доступ ко всем архивам дома, заметив, что в них хранится переписка людей,

совершенно не связанных с делами долины. Я ограничила требование хозяйственными и земельными документами, добавив, что нужные сведения о происхождении имущества не должны скрываться под предлогом семейной тайны.

Когда мы дошли до моих личных условий, я попросила его сперва прочитать весь лист. Изложить некоторые из них вслух мне было бы значительно труднее. Он прочитал.

— Фамилию можете сохранить. Отдельные комнаты тоже. Для ваших личных расходов могу выделить содержание без отчетов.

— За свою работу я намерена получать плату по договору со своими мастерами. Вашего содержания мне не нужно.

— Я оплачиваю расходы людей, живущих в моем доме.

— Пищу, дрова и прочие бытовые расходы мы можем обсудить. Личные покупки я предпочитаю делать за собственные деньги.

Он сделал пометку. Следующий пункт был выведен особенно разборчиво: я не собиралась оставлять места для двусмысленности.

— Отсутствие обязанностей супружеского характера, — прочитал он.

Щеки у меня вспыхнули. Я выровняла стопку бумаг, чтобы не выдать смущения.

— Мне необходимо иметь возможность отказаться от близости, не опасаясь, что вы обвините меня в нарушении брачных обязательств.

— Я не намерен добиваться близости таким способом.

— Тогда впишите это в договор.

Радан положил карандаш на стол.

— Я прекрасно понимаю, какие чувства вызываю у вас. Мне сорок три года, госпожа Таль. К этому возрасту мужчина обычно учится замечать, желает ли женщина его общества. Вы не желаете, и мне не потребуется ежедневно убеждаться в этом.

Мне не понравилось, что он вдруг заговорил со мной таким тоном, словно мое недоверие объяснялось недостатком житейского опыта.

— Я хотела бы, чтобы наше соглашение оставалось в силе независимо от того, насколько хорошо мы научимся понимать друг друга.

— Пусть так и будет.

Он пометил условие как принятое. Я проверила запись и наконец пригубила остывший чай.

— Теперь самое сложное, — сказала я. — Расторжение брака.

— Вы рассчитываете подать прошение сразу после того, как получите необходимое решение земельной палаты?

— Возможно. Или раньше, если совместная жизнь окажется невозможной.

— Разумно. Только семейное управление прекратится вместе с браком.

— Именно поэтому мне нужно дополнительное обязательство.

Радан налил себе немного крепкого вина. Я отказалась.

— Какое обязательство?

— Если мы расторгнем брак, запрет на отчуждение спорных земель должен сохраниться еще девяносто дней после прекращения семейного управления. За это время представители общин успеют обратиться в суд или завершить переговоры о новом порядке управления.

— Моего обещания будет мало. Корона вправе потребовать исполнения прежних распоряжений, как только действие семейной хартии прекратится.

— Следовательно, понадобится ее согласие.

— Сольму это не понравится.

— Ему многое во мне не нравится.

Радан вернулся за стол и некоторое время изучал мой список. Я прислушалась к потрескиванию дров в печи. С улицы донесся собачий лай, затем кто-то прикрикнул на конюха.

Жизнь этого дома шла своим чередом, и мне казалось странным, что за его стенами еще не знают, о чем мы говорим. Когда узнают, пересказывать будут совсем иначе.

— Я готов подписать дополнительное обязательство, — наконец сказал герцог. — Но необходимо предусмотреть исключения для чрезвычайных обстоятельств. Если, к примеру, случится наводнение, нельзя ждать согласия земельной палаты, чтобы разобрать чужой забор и провести людей по участку.

— Действия, необходимые для спасения жизни и предотвращения стихийного бедствия, не являются передачей права собственности.

— Тем лучше. Я поручу поверенному подобрать подходящую формулировку.

— Сначала покажете мне ее.

— Разумеется.

Он собрал листы, выровнял края и подвинул их к середине стола. За разговорами о земле мы почти забыли, каким образом собирались приобрести право совместного управления ею.

— Когда вы готовы заключить брак? — спросил Радан.

Я поискала глазами тетрадь, надеясь отложить ответ еще одним вопросом. В ней больше не оставалось необсужденных условий.

— Мне необходимо поговорить с представителями общин. Возможно, они прибудут завтра или послезавтра. До этого я не стану ничего подписывать.

— Подготовка документов тоже займет время. Попросите своего поверенного встретиться с моим, когда определитесь.

Он поднялся. Я последовала его примеру, собираясь убрать бумаги, и задела локтем чашку. Радан успел поймать ее, прежде чем та упала, но несколько капель чая все же попали на мой рукав. От неожиданного движения я отступила так резко, что ударилась ногой о кресло. Он поставил чашку на блюдце и отошел к окну.

— Не обожглись?

— Нет. Благодарю.

Я промокнула рукав платком. Мне было досадно, что тело оказалось проворнее рассудка. Дракон всего лишь протянул руку, чтобы спасти посуду, а мне вспомнился солдат, однажды выхвативший у меня сумку на пропускном пункте.

Герцог позвонил слуге, попросил принести мой плащ и проводил меня до прихожей. У двери он остановился.

— Госпожа Таль, не передавайте пока Сольму окончательного согласия. Мне необходимо выяснить, готов ли он обеспечить регистрацию дополнительного обязательства.

— Я передам согласие только тогда, когда увижу его подпись.

— Полагаю, мы поняли друг друга.

На ступенях ко мне подбежала одна из охотничьих собак. Она ткнулась мордой в мою сумку, почуяв, должно быть, оставшееся с завтрака печенье. Я угостила ее половиной и под недовольным взглядом дворецкого отправилась искать экипаж.

* * *

Тавия приехала на следующее утро. Оказалось, она получила мое первое письмо в доме лесарского красильщика, у которого остановилась по пути в столицу. Наши люди, еще до моего отъезда узнавшие о королевском приглашении, решили собрать представителей ближайших общин неподалеку от Сарвела, чтобы при необходимости не тратить несколько дней на дорогу. Вместе с Тавией прибыли старый мастер Орвен и женщина по имени Сельма, ведавшая списками переселенцев с западных земель.

В гостевом доме нам отказались предоставить комнату для собрания без разрешения канцелярии. Мы отправились к красильщику. Хозяин усадил нас в просторной кухне, где пахло

мокрыми дровами и вареной свеклой, выставил на стол хлеб и большую глиняную миску с маслом, а сам вернулся во двор к своим работникам.

Я рассказала все по порядку, начиная с состояния реки и заканчивая вчерашним разговором с Раданом. Когда я закончила, Орвен потянулся за хлебом, Сельма попросила показать ей карту спорных участков, а Тавия осталась сидеть, положив руки на стол.

— Ты сказала ему, что согласна стать его женой?

— Я сказала, что готова обсуждать договор.

— С человеком, которому король подарил твой дом?

— Да.

Тавия посмотрела на остальных.

— И вы собираетесь обсуждать это всерьез?

Сельма поправила очки, придавила угол карты масленкой и отыскала на ней деревню, откуда происходила ее семья.

— Я собираюсь узнать, можем ли мы спасти землю до окончания срока. А замуж Ирена вправе выходить за кого считает нужным.

— Она не считает нужным. Позавчера ей подсунули эту гадость, и теперь она пытается извлечь из нее пользу.

Возразить Тавии было трудно. Сельма сняла очки, протерла их краем фартука и продолжила изучать карту.

— Если существуют другие способы, я хочу о них услышать, — сказала она.

Орвен предложил обратиться к верховному судье с просьбой запретить земельные сделки на время рассмотрения наших заявлений. Я выложила выписки, сделанные позавчера в библиотеке. Судья мог принять прошение, но для немедленного запрета требовалось подтвердить существование права, которое земельная палата как раз и отказывалась признавать.

— Есть еще купцы, внесшие деньги за эти земли, — заметил Орвен. — Их можно убедить забрать задатки. Кто захочет строиться на участке, который весной может затопить?

— Некоторые захотят. Другие потребуют предоставить им гарантии или заплатить за отказ от сделок. У нас таких средств нет.

— Можно собрать.

— За семь дней?

Он отложил хлеб и потер ладонью лоб. Сельма тем временем достала собственный список, сравнила названия деревень и попросила разрешения переписать номера участков. Мы обсуждали возможные решения почти до обеда. Ни одно не позволяло надежно остановить передачу всех спорных земель до истечения срока.

После полудня Орвен отправился на почту, чтобы разослать сведения другим представителям. Сельма осталась у красильщика, а Тавия предложила мне пройтись. Мы вышли в узкий двор, заставленный чанами, и добрались до небольшой пристани, возле которой дети хозяина пускали по воде щепки.

— Помнишь, что было у нас в доме над дверью? — спросила Тавия.

Я помнила. Деревянная птица, которую ее муж вырезал к рождению дочери. Крылья получились слишком большими, и птица больше походила на летучую мышь, о чем Тавия всякий раз напоминала мужу, когда замечала, что тот ею любуется.

— Помню.

— Я вернулась за ней. Уже после того, как нас выгнали из поселения. Думала, если повезет, захвачу еще детские вещи. — Тавия нагнулась, подняла с земли обрывок веревки и принялась разматывать его. — Там стоял солдат. Молодой совсем, моложе Дарена. Сказал, что дом больше мне не принадлежит. Даже порог переступить не дал.

Она бросила веревку на ограду пристани.

— Когда я узнала, что землю отдали Вейру, мне захотелось, чтобы он хотя бы одну ночь провел там, на месте нашего дома. Чтобы попробовал уснуть. Но он, должно быть, прекрасно спал все эти годы.

Я смотрела на воду. Один из мальчиков намочил рукава и теперь пытался спрятать их от старшей сестры, стоявшей на крыльце.

— Тавия, я не прошу тебя изменить отношение к нему.

— А что ты будешь делать, когда он приведет тебя в гости к тем самым людям, которые получили наши дома? Когда они начнут поздравлять тебя с удачным замужеством?

— Надеюсь, мне хватит воспитания не переворачивать им столы.

— Ирена.

Я повернулась к ней.

— Думаешь, я не боюсь? Мне позавчера нелегко было даже написать условие о супружеских обязанностях. Я прекрасно знаю, за кого собираюсь выходить замуж. И не могу назвать это удачей. Но я не хочу через месяц объяснять людям, что видела возможность остановить продажу земли и даже не попыталась ею воспользоваться.

Тавия сдвинула брови.

— Ты никому из нас не должна приносить такую жертву. Я не хочу потом услышать от тебя, будто мы заставили тебя жить с этим человеком.

— Я не стану этого говорить.

— Сейчас не станешь. А через год, когда устанешь?

Она была права в одном: я привыкла брать на себя больше, чем могла выполнить, а после обижалась на людей за то, что они не замечали моих усилий. Тавия знала меня еще с детства и не раз видела, как я сама загоняла себя в такие обстоятельства.

— Поэтому в договоре есть право расторгнуть брак, — объяснила я. — Я смогу уехать. И если уйду, вам останется девяносто дней, в течение которых землю нельзя будет передать другим владельцам. Я не хочу, чтобы меня удерживали там вашими интересами.

— Все бумаги у тебя в порядке. А каково тебе будет просыпаться в его доме?

— Не знаю. Но если не выдержу, уеду.

Тавия посмотрела на меня с такой усталостью, что я пожалела о резкости ответа. Она поправила ворот моего платья, как делала прежде, когда я приходила к ней с улицы растрепанная и чумазая.

— Покажи мне договор, прежде чем подпишешь. Особенно то место, где написано, что ты можешь от него уйти.

— Покажу.

Мы вернулись в дом. До вечера пришлось еще дважды объяснять содержание предполагаемого соглашения людям, приехавшим из окрестных поселений. Среди них нашелся сын бывшего общинного судьи, служивший теперь писцом при городском суде. Он посоветовал нам обратиться к своей наставнице, госпоже Ренне, которая много лет разбирала споры о наследстве и имуществе, а ныне занималась частной практикой.

Ренна приняла меня на следующий день. Выслушав историю, она назвала цену за проверку договора. Услышав, сколько у меня денег, уменьшила плату, но предупредила, что впредь подобной уступчивости от нее ожидать не следует.

Пока она переписывала номера нужных постановлений, я получила решение собравшихся представителей. Мне разрешили продолжить переговоры на прежних условиях. Никаких полномочий заключать окончательное земельное соглашение от имени всех общин я по-прежнему не имела. Отдельной строкой Сельма вписала, что мое замужество является личным решением и не свидетельствует о признании лесарами законности военных пожалований.

Тавия поставила подпись последней. От остальных она потребовала не распространять известие о свадьбе раньше времени: следовало хотя бы дождаться, пока бумаги будут готовы.

Я отправила герцогу посыльного. Через час пришел ответ, что господин Сольм желает встретиться с нами обоими.

* * *

К моему появлению в канцелярии глава финансового управления уже успел прочитать предварительный проект. Он встретил меня с улыбкой, от которой прежде я бы испытала облегчение. Теперь мне захотелось проверить, все ли страницы остались в папке.

— Рад, что вы все-таки оценили преимущества нашего предложения, госпожа Таль.

— Мы с его светлостью договорились о некоторых условиях. Если корона их примет, сможем заключить брак.

— Некоторые из них, признаться, вызвали у меня удивление.

Сольм указал на место напротив. Радан уже сидел за столом. Рядом с ним сидели его поверенный и госпожа Ренна, успевшие обсудить имущественную часть договора.

— Вы хотите распространить действие семейной хартии на земли, подлежащие передаче в рамках утвержденной программы заселения, — продолжил Сольм. — В таком случае реализация программы окажется под угрозой.

— В отношении перечисленных участков, — уточнила Ренна. — Остальные сделки можно проводить в установленном порядке.

— Корона рассчитывала, что заключение брака поможет госпоже Таль согласовать интересы лесарского населения с интересами нынешних владельцев. Для этого необязательно препятствовать законным распоряжениям государства.

— Мы и намерены согласовать их, — ответила я. — Но сперва нам нужно выяснить, какие земли потребуются для восстановления водных сооружений.

Сольм повернулся к Радану.

— Ваша светлость, вы сознаете, что тем самым возьмете на себя некоторые дополнительные расходы? Люди, внесшие задатки, вправе потребовать возмещения убытков.

— За два участка задатки получены непосредственно моим управляющим, — ответил герцог. — Их я верну из собственных средств. В остальных случаях деньги находятся в распоряжении земельной палаты. С этим вам придется разбираться самостоятельно.

— Вы могли бы обсудить данный вопрос со мной до принятия решения.

— Мы обсуждаем его сейчас.

Сольм поджал губы. Ему явно хотелось остаться с герцогом наедине, но тот не собирался отсылать ни меня, ни поверенных.

— Хорошо. Предположим, мы найдем способ приостановить сделки. Что произойдет через год, если госпожа Таль пожелает расторгнуть брак?

Ренна открыла последнюю страницу проекта.

— В таком случае вступит в силу отдельное обязательство о временном запрете отчуждения. Девяносто дней со дня прекращения семейного управления. За этот срок стороны смогут обратиться в суд на общих основаниях. Понадобится распоряжение короны с указанием участков.

— Иначе говоря, государство берет на себя новые обязательства в отношении земель, которыми распоряжалось без каких-либо затруднений одиннадцать лет.

— Затруднения все-таки возникли, — напомнила я. — Вы сами показали мне отчет о состоянии реки.

Сольм закрыл проект.

— А если работы не дадут результата?

— В договоре с мастерами будет предусмотрено обследование, по итогам которого мы представим подробное заключение. Обещать, что восстановим всю систему, я пока не могу.

Если окажется, что часть узлов утрачена безвозвратно, будем искать другой способ обеспечить долину водой.

— Вы требуете немалых уступок, не предлагая гарантии успеха.

— Вы можете поручить работы людям, которые дадут вам такую гарантию.

Он прекрасно знал, что найти их не удастся. Отчет инженера лежал перед ним, и несколько строк в нем были подчеркнуты красным карандашом.

Мы покинули канцелярию почти через три часа. Сольм пообещал представить проект королевскому секретарю, уполномоченному утверждать изменения в программе заселения. Ренна увела поверенного Вейров обсуждать отдельные формулировки, а мы с Раданом спустились во двор.

— Вы с самого начала рассчитывали воспользоваться хартией? — спросила я.

— Нет. Господин Сольм предложил обычное брачное соглашение. Он предполагал, что вы займете положение при моем доме и сможете влиять на мои решения.

— Каким образом? Уговаривая вас за ужином?

— Судя по всему, да.

Я усмехнулась. Радан посмотрел на дворцовые окна.

— С тех пор как я получил владения в долине, государство не особенно интересовалось тем, каким образом мы обеспечиваем их доходность. Теперь, когда доходы падают, интерес внезапно проснулся. Если для восстановления хозяйства придется пересмотреть земельные решения, я предпочту заниматься этим на месте, а не объясняться перед финансовой палатой по поводу каждой мельницы.

— Значит, я тоже вам пригодилась. Как средство избавиться от неудобного распоряжения короны.

— В том числе.

По крайней мере, он не пытался представить свое согласие благородным порывом. Я попрощалась с ним и отправилась к Тавии. До регистрации земельных сделок оставалось шесть дней, а мы все еще зависели от чужих подписей.

На следующий вечер Ренна принесла заверенную копию распоряжения королевского секретаря. Согласие было условным: запрет на передачу земли вступал в силу после регистрации брачного договора, а девяностодневное обязательство становилось частью отдельного распоряжения земельной палаты. Я перечитала оба документа вместе с поверенной, сравнила перечни участков и обнаружила, что из списка выпало небольшое пастбище возле старой лесной школы. Пришлось утром возвращаться в канцелярию. Там заверили исправленный лист, и только после этого я передала Тавии все бумаги.

Она долго читала договор. Потом попросила госпожу Ренну объяснить, сможет ли герцог помешать мне уехать из Ольшанья, и отдельно спросила, придется ли мне возвращать ему деньги, потраченные на содержание дома, в случае расторжения брака.

— Нет, — ответила поверенная. — И вы можете хранить свою копию договора, если госпожа Таль согласится. Я оставлю еще одну у себя.

Тавия сложила листы, посмотрела на меня и тяжело вздохнула.

— Платье-то у тебя хоть есть?

За последние дни я не вспомнила ни о платье, ни о кольцах, ни о прочих вещах, которые обыкновенно интересуют будущих невест. Я собиралась ехать в Ольшанье с рабочей сумкой, старым сундуком и парой крепких сапог.

— Есть синее. В нем я была на свадьбе дочери Орвена.

— То, с распоротым подолом?

— Я зашила.

— Ты шьешь так, что твоими стежками можно было бы крепить доски к плоту. Неси сюда.

Я принесла платье. Тавия нашла иголку, распорола мою прежнюю работу и уселась возле окна. Некоторое время мы обе молчали. Я перебирала письма, которые предстояло отправить перед отъездом, а она возилась с подолом.

Когда платье было готово, Тавия достала из кармана небольшую серебряную застежку с двумя переплетенными ветвями.

— Возьми. Твоя мать оставила ее мне, когда мы еще жили у Красного тракта. Хотела, чтобы я продала, если не хватит денег на лекарства. Обошлось.

Я приняла застежку. На обратной стороне сохранилась царапина, которую в детстве оставил Дарен, пытаясь расковырять ножом заевший замок. Мне хотелось спросить, почему Тавия столько лет хранила ее, не говоря мне ни слова, но я догадалась: прежде ей самой, вероятно, было легче оттого, что у нее оставалась хоть одна вещь моей матери.

— Спасибо, — сказала я и обняла ее.

Тавия прижала меня к себе, погладила по спине и отпустила.

— Если будет плохо, возвращайся. Остальное придумаем.

* * *

В столичной брачной палате женились самые разные люди. Пока мы ждали своей очереди, из зала вышли молодые супруги с четырьмя нарядными детьми. За ними следовала пожилая женщина с корзинкой сладостей. Судя по обрывкам разговора, жених и невеста прожили вместе много лет и наконец нашли деньги на оформление брака.

Дети бросились поздравлять их. Один мальчик выхватил у женщины корзинку и уронил ее, по каменному полу раскатились орехи в сахаре. Я помогла собрать ближайшие, а когда выпрямилась, увидела Радана.

Он пришел в темном парадном камзоле, с медальоном своего дома на цепочке. За ним следовали поверенный и пожилой мужчина, представившийся распорядителем столичного хозяйства Вейров. Тот принес узкий футляр с кольцами и, судя по растерянному виду, до последнего надеялся увидеть больше гостей.

Радан поздоровался с Тавией. Она ответила сухим кивком. Потом поздоровался с Ренной и подошел ко мне.

— Госпожа Таль, у вас все готово?

— Если речь о документах, то да.

— О них.

Распорядитель протянул мне маленькую коробку. В ней лежало кольцо из темного золота с плоским камнем и изображением дракона. Я повернулась к герцогу.

— Обязательно его носить?

— Для регистрации семейного управления потребуется оттиск этой печати. Можете держать ее среди своих бумаг.

Я забрала коробку. Для проведения самой церемонии у меня было простое серебряное кольцо, купленное накануне у ювелира. Герб Вейров на собственном пальце мне пока видеть не хотелось.

Нас пригласили в зал. Там стояли длинный стол, несколько скамей для свидетелей и чаша с водой, традиционная для брачных церемоний Тарны. Регистратор, полный мужчина с красными от чернил пальцами, сперва проверил документы, а затем попросил поверенных и свидетелей занять свои места.

Я ожидала длинных рассуждений о семейном долге, но регистратор ограничился несколькими вопросами. Мы подтвердили, что вступаем в брак по собственной воле, осведомлены о содержании имущественного соглашения и принимаем указанные в нем обязательства.

От нас потребовалось поочередно назвать полные имена и опустить пальцы в чашу с водой. После этого он прочитал короткое пожелание долгой совместной жизни.

Руки Радана были теплее моих. Когда он надевал мне кольцо, его большой палец скользнул по моим костяшкам. Я невольно посмотрела на Тавию. Она сидела прямо, сжав на коленях сумку, и не отводила взгляда.

Мне стало легче лишь тогда, когда мы перешли к столу и я увидела раскрытый договор с оставленными для подписей пустыми строками. Я подписала каждый экземпляр, дождалась, пока это сделает Радан, и проследила за работой регистратора. Он наложил печати на земельные приложения, внес номера документов в книгу и передал один экземпляр посыльному палаты.

— Запрет на сделки будет внесен в реестр сегодня, — сообщила Ренна. — Я проверю запись лично и доставлю вам подтверждение.

Теперь у меня было то, ради чего я согласилась на замужество. Я прижала папку к груди и только после этого заметила, что все ожидают от меня какой-то реакции на поздравления регистратора.

— Благодарю, — сказала я.

Распорядитель хозяйства спросил, куда подавать экипаж: к городскому дому Вейров или в гостевой дом канцелярии. Я попросила отвезти меня к Тавии. Она собиралась уезжать наутро и хотела провести оставшееся время с представителями общин. Радан распорядился предоставить нам экипаж, а затем сообщил, что сам намерен отправиться в долину через два дня. Если я не возражаю, он подготовит место для моих вещей и пришлет людей за багажом.

— Хорошо, ваша светлость.

Распорядитель замялся.

— А как нам следует обращаться к госпоже?

— Как она предпочитает, — ответил Радан.

— Ирена Таль, — сказала я.

Мы попрощались на ступенях. За дверью брачной палаты уже ждали следующую пару. Молодой жених держал в руках букет осенних цветов и, пока невеста поправляла ему воротник, с удовольствием разглядывал ее лицо. Я отвела взгляд и направилась к экипажу.

У красильщика нас ждали Сельма, Орвен и несколько человек из нашей общины. Узнав, что регистрация состоялась, хозяин вынес из погреба кувшин ягодного вина. Мне налили полную кружку и предложили произнести тост. Я попросила дождаться подтверждения земельной палаты.

Ренна приехала к вечеру. На принесенном ею листе стояли дата регистрации, номера спорных участков и отметка о приостановлении сделок. Я проверила пастбище возле лесной школы. Оно было в списке. Орвен налил себе вина.

— За то, чтобы эти бумаги больше не понадобились, — сказал он. — Чтобы следующим делом мы привезли сюда настоящие грамоты на землю.

Вот тогда я выпила вместе со всеми.

* * *

В дорогу мы выехали на рассвете. Радан предложил мне место в закрытом экипаже, сам же большую часть пути провел верхом. Кроме нас ехали двое слуг, проводник и небольшой хозяйственный обоз с вещами, которые герцог приобрел в столице. Мой сундук закрепили на отдельной повозке. В руках я оставила отцовскую карту и дорожную сумку.

Первые полдня дорога вилась вдоль обмелевшей реки, потом ушла на возвышенность. Здесь уже начинались земли, которые прежде принадлежали Ольшанью. Я узнала поросшие можжевельником склоны, заросли орешника у каменистой дороги и старую сторожевую башню

на противоположном берегу. Башню восстановили, на крыше поставили железного дракона. Под ним развевалось знамя Вейров.

На пограничной заставе проводник передал стражникам бумаги. Я по привычке приготовилась искать свидетельство о месте рождения и разрешение на посещение провинции. Однако стражник взглянул на дорожный лист герцога, поклонился и велел открыть ворота, даже не поинтересовавшись моим именем.

Одиннадцать лет разрешение вернуться домой приходилось выпрашивать. Теперь стражник пропустил меня, даже не узнав моего имени: ему хватило герба человека, которому досталась наша земля.

Я попросила остановить экипаж у первого же постоялого двора за заставой. Пока конюхи меняли лошадей, спустилась по тропинке к воде и долго стояла возле берега. Ветер шуршал сухой травой, пахло тиной и речными камнями. У самой воды обнаружились кусты дикой смородины. Я сорвала один сморщенный лист, растерла между пальцами и вспомнила, как мать брала меня с собой собирать ягоды, чтобы варить варенье на зиму. Она всегда оставляла часть урожая птицам, хотя Дарен считал подобную щедрость совершенно бессмысленной.

— Здесь хорошее место для отдыха? — послышался голос за спиной.

Я обернулась. Радан остановился у начала тропинки, не приближаясь.

— Хорошее, — ответила я. — Раньше на этом берегу росло много смородины.

— Сейчас выше по реке держат овец. Вероятно, кустарник вытаптывают.

Я бросила лист в воду.

— Вероятно.

Он сообщил, что до ночлега предстоит еще несколько часов пути. Мы вернулись к дороге. Мне предложили обед, но я ограничилась куском хлеба с сыром и попросила кружку горячего отвара.

На ночь мы остановились у вдовы дорожного смотрителя. Радан занял комнату по другую сторону коридора, а я устроилась в небольшой спальне с выкрашенными в голубой цвет стенами. Хозяйка принесла мне пуховое одеяло и рассказала, что когда-то ее покойный муж служил в северной армии. Теперь она содержала постоялый двор вместе с сыном.

— Его светлость у нас всегда останавливается, — сказала она, расправляя одеяло. — Крышу нам помогли починить прошлой весной. А вы давно знаете герцога?

— Несколько дней.

Женщина решила, что ослышалась, но переспрашивать не стала. Я поблагодарила ее и закрыла дверь. До поздней ночи мне не удавалось заснуть: внизу скрипели половицы, кто-то хлопал дверью конюшни, а всякий раз, когда я закрывала глаза, мне виделись знакомые места, которые оставались впереди.

Утром дорога спустилась в широкую долину. Здесь уже попадались поля, на которых закончили уборку, деревянные изгороди, каменные дома с новыми крышами. Между ними тянулись участки иссохшей земли, покрытой мелкими трещинами. Возле одного колодца стояли пустые бочки, а у другого двое мужчин опускали в шахту ведро на необыкновенно длинной веревке.

Сейчас я узнаю это место, убеждала я себя при каждом повороте, но привычные ориентиры то исчезали, то оказывались не там, где я ожидала их увидеть. Вместо лесной дороги теперь шла широкая насыпь. Вместо заросшей лощины открывался каменоломный карьер. Несколько раз мне хотелось остановить обоз и пройти пешком, чтобы разобраться, где мы находимся, однако расстояние до поместья оставалось небольшим, и я решила потерпеть.

Когда впереди показались серые башни, Радан подъехал к окну моего экипажа.

— Почти приехали. Это западный въезд в усадьбу. Основные хозяйственные постройки расположены с другой стороны.

Я выглянула. За высокой каменной оградой виднелись крыши большого дома, конюшен и нескольких служебных зданий. К воротам вела широкая дорога, обсаженная молодыми деревьями.

Справа от дороги возвышался пологий холм. На его вершине стояли три старых вяза. Средний был кривым, с раздвоенным стволом, в развилке которого мы с братом в детстве устроили тайник. Дарен прятал там рыболовные крючки, а я — мелкие монеты, которые получала за помощь матери. Я вскочила с сиденья.

— Остановите!

Возница натянул вожжи. Радан придержал лошадь, пока я выбиралась наружу. Мне понадобилось пройти всего несколько шагов, чтобы рассмотреть холм, изгиб старой дороги и низину, где когда-то протекал ручей.

— Что случилось? — спросил герцог.

Я не ответила сразу. На месте ручья теперь стояла каменная водонапорная башня, а за ней начиналась ограда поместья. Наш дом находился совсем близко, ниже по склону. Мать из кухонного окна видела, как мы с Дареном лазали по вязам.

— Где находился Вереск? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Радан спешился. Посмотрел в сторону холма, затем на поместье.

— За западной оградой. От прежнего поселения почти ничего не осталось. Часть старых участков находится на территории усадьбы.

Я достала из сумки отцовскую карту. Ветер подхватил край бумаги, пришлось придержать его обеими руками. Три вяза отец обозначил маленькими кружками, а ниже стоял мой кривой детский прямоугольник. Между тем местом и воротами Вейров было не больше двухсот шагов.

Глава 3. Чужой дом

— Я хотела бы пройти туда пешком.

Радан отпустил экипаж и передал поводья слуге. Я дождалась его, хотя предпочла бы идти одна: за оградой могла не узнать ни одной тропы.

У ворот нас встретила женщина лет тридцати пяти в коричневом платье с закатанными до локтей рукавами. Она держала под мышкой толстую книгу, а за ней по пятам следовал мальчишка с корзиной ключей.

— Ваша светлость, у нас опять потекла кровля над западным складом. Кровельщик приехал, но требует, чтобы ему оплатили прошлую работу. Я ведь говорила, что с этим человеком лучше не связываться.

Радан представил нас. Женщину звали Миленой Рош. Она управляла имением пятый год, распоряжалась большей частью хозяйственных расходов и, судя по тому, как охотно герцог выслушивал ее жалобы, имела право выражать недовольство даже в его присутствии.

— Поговорим о кровле вечером, — предложил он. — Госпожа Таль хочет осмотреть западную часть усадьбы.

— Сад или хозяйственные постройки?

— Пока не знаю, — ответила я.

Милена взглянула на карту в моих руках и отправила мальчишку с ключами к конюшням. Потом подозвала садовника, попросила открыть маленькие ворота за оранжереей и объяснила, как туда пройти. Ни она, ни герцог не спросили меня, зачем мне понадобилось это место. Мне было легче оттого, что никто не требовал объяснений.

Мы обогнули конюшни, пересекли двор, где под навесом стояли повозки, и оказались в саду. Здесь выращивали груши, несколько сортов поздних яблок и виноград, который укрывали на зиму деревянными щитами. Между деревьями тянулись узкие канавы. На дне некоторых осталась вода, но в остальных виднелись потрескавшаяся глина и сухие листья.

Я свернула к ограде. По мере того как мы приближались к холму, становилось легче ориентироваться. Часть склона срезали под сад, но придорожные валуны остались на месте. Мать говорила, что их не смог бы сдвинуть даже очень рассерженный дракон. Мы с Дареном любили прятаться за одним из них, когда отец посылал нас пропалывать морковь.

— Вот здесь, — сказала я, остановившись возле невысокой кирпичной постройки.

Из трубы под крышей поднимался пар. У двери сидела женщина и чистила лук над плетеной корзиной. Она поспешила встать, заметив герцога.

— Кухня садовых работников, — пояснил Радан. — Внизу есть погреб.

Я обошла постройку. Наш дом был длиннее, с пристроенной верандой. От веранды дорожка вела к огороду, а за огородом стояли два ореховых дерева. Одно из них сохранилось. Оно росло у стены кухни, и нижние ветви, мешавшие проходу, недавно обрезали.

Мне захотелось потрогать кору, однако женщина с корзиной продолжала стоять у двери, ожидая распоряжений, и я вдруг почувствовала себя очень неловко. Как объяснить незнакомой женщине, почему я едва не заплакала при виде ее ореха?

— Продолжайте заниматься своим делом, — сказал Радан работнице. — Мы уже уходим.

— Нет, — возразила я. — Я еще побуду здесь. И, пожалуйста, не ждите меня.

Он ушел. Женщина вернулась к корзине и через некоторое время, когда убедилась, что я не собираюсь предъявлять никаких требований, снова принялась за лук. Я присела возле ореха и осторожно разгребла пальцами землю. Корни были живыми. Старое дерево пострадало от засухи, но могло пережить зиму, если ему хватит влаги. Я обнаружила, что вода из ближайшей канавы уходит под стену кухни, и попросила работницу показать, откуда ее сюда подают.

— Из большого колодца, госпожа. Теперь только через день поливать разрешают. А орехто вам зачем? Он горький, с него никто не собирает.

— Прежде на нем росли хорошие орехи. Дайте дереву отдохнуть от засухи, может, снова будут хорошие.

Женщина представилась Несой. Ее муж работал в конюшне, старшая дочь помогала на кухне. Она предложила мне кружку настоя и вынесла табурет. Я просидела у стены до тех пор, пока Неса не закончила чистить лук. Мы поговорили о колодцах и о том, что нынче даже поздние яблоки мелкие, словно лесные. О том, кто жил здесь до строительства кухни, она ничего не знала. Ее семья приехала в долину четыре года назад.

Уходя, я попросила разрешения иногда заглядывать к ореху. Неса сказала, что ей только веселее будет, если кто-нибудь составит компанию.

* * *

Мои вещи уже отнесли в дом. Милена встретила меня в прихожей, где двое слуг разбирали привезенные из столицы ящики. Она успела переодеться, но книгу по-прежнему носила с собой. Прежде чем вести меня наверх, попросила уточнить, будет ли у меня собственная служанка.

— Я привыкла обходиться без нее.

— У нас в доме двадцать три отапливаемых комнаты. Если каждая из них будет иметь свое расписание, мне понадобятся еще две работницы. Давайте лучше договоримся, кто и когда сможет к вам входить.

Мы остановились на том, что горничная будет приходить утром за бельем, приносить воду и поддерживать огонь в печи, если я попрошу. В остальное время комнаты останутся в моем распоряжении. Милена показала мне два ключа, объяснила, какой из них от спальни, и повела по лестнице.

Мне отвели три комнаты в западном крыле: спальню, небольшую гостиную и кабинет. Из окон кабинета был виден холм с вязами. Возле стены стоял длинный стол, на полках оставили несколько пустых коробок для бумаг. Тяжелые зеленые шторы напоминали театральный занавес, зато кресло оказалось удобным, а оконная рама не пропускала ветра. После комнаты, которую я снимала в городе последние шесть лет, это было неприлично просторное жилье.

— Его светлость распорядился устроить для вас рабочее место, — сказала Милена. — Если не хватит мебели, сообщите. Книги можно брать из библиотеки. Кладовые и хозяйственная контора находятся внизу. Герцог занимает восточное крыло.

Мы договорились пока не устраивать мастерскую в усадьбе: для работы с растениями и образцами почвы удобнее было найти помещение возле реки. Милена предложила пользоваться земельными книгами в хозяйственной конторе, где имелись хороший свет и большой стол.

После ее ухода я разложила одежду, поставила на письменный стол отцовскую тетрадь и убрала серебряную застежку матери в верхний ящик. Гербовое кольцо Вейров осталось в коробке рядом с брачным договором. Затем я отправилась искать контору.

Внизу, в переходе между жилой частью дома и столовой, стояла широкая деревянная скамья с резной спинкой. Я прошла мимо, вернулась и провела пальцем по вырезанному на дереве рисунку. Три птицы клевали ягоды на одной ветке. Под сиденьем имелось небольшое углубление, куда можно было положить нож или клубок ниток.

Такие скамьи делали в Вереске. По крайней мере, один из наших столяров предпочитал именно этот рисунок. Я помнила, как Дарен, еще подростком устроившийся к нему в ученики, приносил домой испорченные дощечки с птицами без голов или с непропорционально длин-

ными хвостами. Отец использовал их для починки забора. Мне пришлось позвать Милену еще раз.

— Не знаете, откуда эта скамья?

— Из старого дома? — предположила она. — Подождите, сейчас посмотрим.

Она нагнулась, отыскала на нижней перекладине маленькую жестяную бирку с номером и записала его. Я попросила ее помочь выяснить происхождение еще нескольких вещей. В столовой, которую мне показали по пути наверх, я заметила две медные чаши с характерным лесарским орнаментом, а на окне лестничной площадки лежала небольшая круглая гирька, похожая на те, которыми наши торговцы пользовались до введения королевской меры веса.

— Вы ищете что-то свое? — спросила Милена.

— Возможно, чужое. Если вещи вывезли из поселений после войны, у них могли остаться владельцы.

Она выпрямилась и оглядела скамью, словно видела ее впервые.

— Дом был обставлен задолго до моего назначения. Но описи должны были сохраниться. Я попрошу писца поднять старые книги.

— Мне хотелось бы самой с ними ознакомиться.

— Приходите после ужина. Я как раз собиралась заниматься счетами.

За ужином мы с Раданом оказались вдвоем в малой столовой. На длинном столе накрыли только с одного края, поставили блюдо с запеченной рыбой, хлеб и тушеные овощи. Возле моей тарелки лежала вышитая салфетка. Я поймала себя на том, что изучаю орнамент, хотя в данном случае подозревать кого-либо в присвоении чужой собственности не было оснований: на ткани красовалась вполне обыкновенная королевская лилия.

— Милена говорит, вы заинтересовались старой обстановкой дома, — заметил Радан, когда слуга вышел.

— Некоторые вещи напоминают мне изделия вересских мастеров.

— Часть обстановки покупали на провинциальных торгах. Я тогда редко бывал в усадьбе.

— А что продавали на этих торгах?

— Мебель, утварь, строительные материалы. Имущество, перешедшее в распоряжение земельной палаты.

Я отложила вилку.

— Каким образом оно туда перешло?

Радан разделил рыбу на две части, вынул из одной кость и только потом ответил:

— После переселения жителей оставшееся в поселениях имущество включали в описи. То, что не было уничтожено или разобрано, поступало на склады. Часть отправили на продажу.

— Людям давали возможность забрать свои вещи?

— В первые месяцы действовали ограничения на возвращение в некоторые поселения.

— Знаю. Поэтому и спрашиваю.

Он положил нож на край тарелки.

— Не могу сказать, как это происходило в каждом отдельном случае. В Вереске жителям не разрешали возвращаться до конца кампании. Потом решения о допуске принимала провинциальная администрация.

— Под вашим руководством?

— В первый год мне подчинялась военная администрация. После ее упразднения сюда назначили гражданского управляющего. Я получил эту должность лишь через несколько лет. К тому времени основные пожалования уже оформили.

— Мне понадобятся сведения о происхождении вещей, купленных на торгах. Не только скамьи и чаш. Всех сохранившихся предметов, по которым удастся что-нибудь установить.

— Хорошо. Попросите Милену выделить писца.

— А если найдутся владельцы?

— Будем разбираться. Часть вещей могла быть законно продана еще до войны.

— Тогда у нас не возникнет спора.

Радан спросил, когда прибудут мастера. Тавия должна была привезти двоих к концу недели, вместе с ними ожидалась Аста, еще трое пока заканчивали работу в других провинциях. Мы обсудили, где разместить людей и как перевезти инструменты. К разговору о мебели больше не возвращались.

В конторе мы разыскали описи имущества за первые два года после окончания войны. Скамью приобрели на торгах через четыре месяца после передачи владений Вейрам. Название поселения отсутствовало, зато имелся номер партии, по которому можно было запросить документы земельной палаты. Чаши прежний управляющий купил вместе с двумя десятками других медных изделий. За гирьку пришлось спросить у старой домоправительницы: та принесла ее из дома покойной сестры. Я уже собиралась уходить, когда Милена достала еще одну книгу.

— Вот счета за строительные работы, — пояснила она. — Дерево для лестниц и перекрытий тоже покупали на торгах. Если хотите искать вещи, сделанные вашими мастерами, этого будет недостаточно.

Я посмотрела на нее.

— Почему?

— Потому что здесь указаны готовые изделия, а в строительных счетах только количество материала. Доски и бревна могли получить из разобранных домов. Происхождение их теперь вряд ли удастся выяснить.

Мы открыли счета. Дешевле всего обходился лес, доставленный со складов военной администрации. В некоторых записях указывались размеры бруса, а в одной даже стояло примечание, что для отделения старых гвоздей пришлось нанять дополнительных работников. Из таких бревен сделали перекрытия служебного крыла и хозяйственных построек.

Мне вдруг захотелось вернуться наверх, вынести сундук во двор и переночевать там, у орехового дерева. Я понимала, насколько нелепо было бы пытаться отыскать среди досок ту, из которой когда-то состояла стена нашего дома, но все же несколько раз перечитала запись о старых гвоздях.

— На сегодня достаточно, — сказала я.

Милена молча закрыла книгу.

Прежде чем подняться к себе, я спросила у нее, давно ли она живет в долине.

— Почти одиннадцать лет. Отец получил здесь участок после войны. Мы приехали из Лаверны, там у него была красильня, которая разорилась. Сначала жили в доме при новой мастерской. Потом построились.

— Где?

Она назвала Бережки, маленькое поселение ниже Вереска. Я помнила его хорошо: туда мы ездили за хорошей глиной.

— Ваш участок был пустым?

— На нем стояла старая печь и каменная ограда. Отец разобрал печь, камни пошли на фундамент. — Милена произнесла это обыкновенным голосом, но после небольшой паузы добавила: — Нам сказали, что прежних владельцев больше нет.

— Вы знали их имена?

— Нет.

Я могла бы назвать ей несколько семей, живших в Бережках, однако без плана участков это не имело смысла. Милена не стала объяснять мне, что ее отец тоже был бедным человеком и получил от государства возможность прокормить детей. Я и без объяснений понимала, почему он согласился приехать. В городе, где теперь жила я сама, за комнату нередко приходилось платить столько, сколько у нас прежде стоила целая телега зерна.

— Доброй ночи, госпожа Рош.

— И вам, госпожа Таль.

В своей спальне я обнаружила, что кто-то положил на кровать грелку. Невольно вспомнила о том, сколько ночей провела с матерью в холодных комнатах на Красном тракте. Зимой мы спали в одежде и по очереди подкладывали щепки в печь. Мать болела, кашляла до рассвета, а я возилась с лекарственными отварами, как будто умение приготовить еще один могло заменить ей врача и теплое жилье.

В шкафу лежали четыре чистых одеяла.

Я переложила грелку на край кровати и долго сидела в кресле, пока не начала мерзнуть. Потом разделась, забралась под одеяло и уснула с удивительной быстротой.

* * *

Наутро я попросила Милену найти мне лошадь и проводника, знакомого со старой дорогой вдоль реки. Однако возле конюшен меня ожидал сам Радан.

— Я собираюсь осмотреть нижнюю плотину и дорогу до Бережков. Вам удобно начать оттуда?

— Если по пути сможем остановиться у Вереска.

— Сможем.

Для осмотра старых поселений я предпочла бы выбрать день, когда он занят другими делами, но ждать не имело смысла. Кроме того, герцог лучше многих знал, что происходило здесь после войны. Мне дали спокойную гнедую кобылу, и мы выехали через южные ворота.

В этой части имения располагались амбары, сушильни и жилые дома работников имения. Добротные крыши, крепкие изгороди и просторные сараи выдавали заботливого хозяина. Только сами амбары стояли почти пустыми. На одной из повозок, направлявшихся к мельнице, лежало не больше десятка мешков.

— Мука для усадьбы? — спросила я.

— Для поселения возле карьера. Они заключили с мельником договор, но собственной лошади у них нет.

— А мельница еще работает?

— Два дня в неделю. Приходится накапливать воду в запруде.

Радан придержал лошадь у развилки, чтобы пропустить повозку. Возница поздоровался с ним и пожаловался на разбитый участок дороги. Герцог пообещал прислать людей, однако предупредил, что прежде надо закончить ремонт у плотины. Они явно разговаривали друг с другом не впервые. Мужчина знал имя Радана, говорил без страха и под конец даже попросил передать Милене, чтобы та не брала с него деньги за прошлую доставку, поскольку в тот день ему пришлось возить мешки для усадьбы.

Я вспомнила, каким представляла себе здешнее хозяйство в годы изгнания. Мне чудились безлюдные поместья, в которых драконы устраивали охоты, пиры и развлечения, а на бывших лесарских землях трудились несчастные рабы. Я увидела деревенскую жизнь со сломанными телегами, долгами, плохим урожаем и управляющей, которой не хватало времени проверить кровлю. Тяжелее всего было увидеть, что на месте нашего прошлого успела сложиться чужая, совершенно обыкновенная жизнь.

У реки нам встретилась женщина с маленьким сыном. Они набирали воду в плоский бочонок. Женщина узнала герцога и остановила его, чтобы спросить о колодце. Два дня назад вода в нем стала мутной, а девочка из соседнего дома заболела животом. Радан начал расспрашивать ее, откуда поступает вода, однако женщина не знала ничего, кроме того, что колодец выкопали при строительстве поселения.

Я попросила показать мне ведро. На дне осела тонкая рыжеватая взвесь. По одному ее виду невозможно было определить причину болезни девочки, и я не стала делать предположе-

ний. Посоветовала пока брать воду из проверенного источника и кипятить ее, а заболевшего ребенка показать лекарю. Сам колодец стоило осмотреть.

— Это далеко? — спросила я.

— Десять минут от дороги, — ответила женщина. — Пойдемте, я покажу.

Мы оставили лошадей возле ее дома. Колодец оказался устроен в низине, неподалеку от старого дренажного канала. Я опустила в шахту ведро, взяла немного воды в стеклянную баночку и отметила в тетради расположение ближайших деревьев. На стенках шахты были заметны следы прежнего уровня воды. За лето он снизился больше чем на длину человеческой руки.

Вокруг росла редкая осока, а ближе к каналу земля оказалась твердой. Я присела, нашла живой корешок и попыталась определить, насколько глубоко растениям приходилось искать влагу. Под верхним сухим слоем сохранялась узкая полоска влажной почвы. Вода двигалась вдоль канала, обходя низину, где стоял колодец.

Для серьезного заключения этого было мало, но теперь я знала, с чего начать обследование.

Радан распорядился привозить сюда питьевую воду из источника возле усадьбы, пока мы не выясним, что случилось с колодцем. Женщина обрадовалась, потом посмотрела на свой бочонок и спросила, можно ли передать соседям, чтобы они тоже приходили за водой.

— Передайте, — ответил он. — Только скажите управляющей, сколько вас. Одной бочки на всех может не хватить.

Она торопливо ушла, а я еще немного постояла возле колодца. Здесь, на бывших лесарских землях, люди опять не знали, смогут ли напоить детей. В другой год я, возможно, с некоторым удовлетворением услышала бы о неудачах имперского хозяйства. Рядом с той женщиной, державшей сына за руку, испытывать удовлетворение было трудно.

К Бережкам мы подъехали около полудня. Старое поселение занимало правый берег реки, новый ряд домов построили немного выше, на сухом пригорке. Возле переправы работала гончарня. Несколько мужчин переносили под навес большие еще не обожженные кувшины.

Я узнала развалины старой общественной печи, каменную стену у берега и дорогу, по которой когда-то ходили к целебному источнику. Источник засыпали землей и щебнем, поскольку он мешал проезду повозок. Над этим местом теперь возвышался дощатый навес, где хранили дрова.

Мне удалось поговорить с хозяином гончарни. Он приехал в долину вместе с семьей двенадцатилетним мальчиком и о прежнем поселении почти ничего не помнил. Зато знал, что вода из источника иногда выходит возле задней стены навеса и размывает землю. Мы договорились, что я вернусь сюда с мастерами. Хозяин согласился предоставить им доступ к навесу при условии, что нам не вздумается в разгар осенней распродажи перекрыть подъезд к печам.

У реки мы ненадолго остановились перекусить. Радан разломил хлеб, протянул мне половину и спросил, нужно ли осмотреть нижнюю плотину сейчас или на обратном пути.

— На обратном. Я хочу сначала увидеть переправу.

Он убрал оставшийся хлеб в сумку и поднялся.

* * *

От Вереска сохранилось меньше, чем я надеялась. Несколько каменных оснований возле дороги, заросший кустарником склон, обломок стены, за которым прежде находилась кузница. Земли ниже поместья оставили незастроенными, поскольку неподалеку проходил новый отводной канал. Прямо через бывшую деревенскую улицу тянулась колея, по которой возили камень из карьера.

Я спешилась у развалин кузницы. Радан остался с лошадьми, пока я ходила от одного фундамента к другому. Здесь в детстве жила моя подруга Лина. Ее мать умела печь пироги с дикими яблоками, и я нередко заходила к ним после занятий. Чуть дальше находился дом старика, который продавал деревянные ложки. Теперь из груды камней росли два молодых куста бузины.

Мне было тридцать четыре года. В последние годы я привыкла считать себя взрослой женщиной, достаточно самостоятельной, чтобы не бояться чиновников, путешествовать одной и спорить с людьми, от которых зависело мое благополучие. Но на этой дороге мне снова было двадцать три, я не знала, где Дарен, мать не могла идти дальше из-за распухшей ноги, а у меня в сумке осталось несколько сухарей.

Я вернулась за лошадью. До переправы мы спустились пешком. Старый мост давно исчез, от него сохранились две каменные опоры. На противоположной стороне реки между деревьями виднелась насыпь, принадлежавшая уже другой дороге. У берега было мелко. Я могла бы перейти реку, даже не замочив юбку выше колен, хотя прежде здесь с трудом удерживалась на ногах взрослая лошадь.

— Мы ушли из деревни за день до того, как уничтожили переправу, — сказала я. — Дарен остался помогать старикам. Обещал догнать нас на дороге к Красному тракту. Мать три дня ждала его возле постоялого двора.

Радан поставил лошадей в тени и подошел ко мне. Я разглядывала каменную опору. В ее трещинах укоренилась трава, кое-где проступили темные следы старой копоти, которую за одиннадцать лет так и не смыли дожди.

— В Сарвеле вы сказали, что помните Вереск. Расскажите, что именно вы помните.

Он не ответил сразу. Прежде я видела, как быстро герцог принимает решения, когда речь заходит о расходах или хозяйстве. Сейчас же ему понадобилось время, чтобы начать говорить.

— Здесь проходил путь снабжения отрядов лесарского Совета. Нам предстояло вывести его из строя. Переправа и запасы на северной стороне имели для этого значение. Я отдал приказ об их уничтожении.

— Кто исполнял приказ, мне не нужно знать. Я хочу понять другое. Вы знали, что в Вереске остались люди?

— Знал, что эвакуация не закончена.

Я обернулась к нему.

— И все-таки приказали?

— Да.

Ответ оказался таким коротким, что мне пришлось мысленно повторить его, прежде чем я сумела спросить дальше:

— Почему?

— Я рассчитывал быстрее прекратить сопротивление в этой части долины. Отложить операцию означало, по моему тогдашнему мнению, дать вашим отрядам возможность сохранить снабжение. Я счел продолжение кампании большей угрозой, чем последствия своего приказа.

— Для кого большей?

Он посмотрел на меня. Ветер с реки раздувал полы его камзола, и на сапогах, которыми он утром небрежно ступал по двору, уже засохла грязь.

— Я думал прежде всего о своей армии и задаче, которую поставила корона.

— А кто-нибудь предлагал дождаться, пока люди уйдут?

— Да. Мне докладывали об этом.

— Вы отказали?

— Я не изменил приказа.

Годы, потраченные на поиски брата, вдруг предстали передо мной с совершенно иной стороны. Мы ездили по временным лагерям, составляли списки пропавших, расспрашивали раненых и вернувшихся из плена. Мать отправляла письма людям, чьих имен прежде не знала, платила посыльным последние деньги. Я однажды проехала два дня в открытой повозке только потому, что женщина на рынке рассказала о молодом лесаре с похожим именем. Он оказался на десять лет моложе Дарена.

Пока мы искали его, мужчина, который мог отложить приказ, получил наши дома и продолжал жить.

Я опустилась на камень. Земля под ногами была мокрой, юбка испачкалась, но мне не хотелось возвращаться к лошади. Радан остался стоять рядом, на расстоянии нескольких шагов.

— Вы знали, сколько человек погибло? — спросила я.

— Точного числа у меня нет. В отчетах были неполные сведения.

— И вы никогда не пытались выяснить?

— После войны я запрашивал данные о населении поселений. Для учета переселенцев и распределения продовольствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.